

Аисты над пепелищем

“Кто живёт – знайте, кто знает – помните,
кто помнит – живите...”

Мелодичный звон молота раздавался из кузни. Солнечные лучи только-только приютились на соломенных крышах домов. Начиналось размеренное мартовское утро. Птицы щебетали, обсуждая между собой что-то на своем, птичьем языке. Из-за ворот послышалось громыхание ведер: это доярка идет к своим коровам. Пернатый народ на секунду смолк, затем продолжил болтовню. Девушка пошла своей обыденной дорогой мимо кузницы. Тихонько заглянув внутрь, она спросила:

- Эй, Осип, ты чего же, с самой ночи куешь? Только солнце из-за лесу – а ты уж тут как тут!

- А вам бы, бабам, все спать да ждать, покуда солнце само в глаз не тюкнет. И могла бы уж запомнить, что Иосиф и Осип – это не все одно и то же. Да и как у тебя язык ворочается меня укорять – вам же все эти косы да лопаты достаются.

- Да что ты, Иосиф, кто тебя укоряет? Только спать всякому человеку надо, любой должности и уменья. Не угробь себя так, уж не те годы, чтоб по ночам работать.

- Топай, Юлька, топай – скотина, поди, заждалась, пока ее подоят. Возраста я вполне еще приличного, не надо меня в старики записывать. И сейчас, и через пять лет, и через десять – во всяких летах буду работать, покуда не отойду совсем. Ну, а там и сына моего черед придет железо ковать.

- Ну, право твое, стучи себе на здоровье. Пойду своим делом займусь, а то совсем уболтаешь ведь!

Доярка подняла с пола ведра и поспешила к коровнику. Иосиф же продолжил свое дело. На его наковальне в этот раз оказалась раскаленная коса. Звон от каждого удара молота сегодня почему-то казался Иосифу оглушительным, похожим на звон колокола, хотя за долгие годы работы он уже давно к нему привык. Коса вдруг напомнила ему о смерти – Костлявая ведь именно с ней и расхаживает.

- Тыфу ты, дрянь всякая в голову лезет, – хмуро пробормотал Иосиф. - Всё девка, всё эти её наставления. Забыла, видать, что я ее на тридцать лет старше буду.

Деревня тем временем стала оживать. Из изб потихоньку выходили люди, каждый шел по своим делам. Начинался будничный день, один из множества в жизни каждого жителя этого поселка.

Иосиф всю свою жизнь посвятил мастерству ковки. Из-под его руки вот уже который год выходили инструменты для всей деревни. Сейчас волосы кузнеца уже посеребрились, да и руки с годами не такие, как прежде. Несмотря на очевидные

признаки приближающейся старости, Иосиф был счастлив: у него пятеро прекрасных детей, старший сын, Адам – отличный парень, ждет не дождется, когда и у него в руке окажется молот; родной дом крепок, на век Адама хватит, а на его и подавно. Все готово для того, чтобы мирно и спокойно дожить свои седые дни. Однако, Иосиф в последнее время часто задумывался о смерти. Что там, по ту сторону мира, куда ушло столько людей и куда в конечном счете уйдем все мы? Увы, старому кузнецу это было неизвестно, равно как и всему остальному роду человеческому. Война была в сговоре со Смертью, и вместе они забирали в свое неведомое царство одного за другим.

От мыслей Иосифа отвлек его сын:

- Тата, как работается? Я тут придумал кое-чего.
- А-а, Адам, ну здравствуй, здравствуй. Я уж думал, ты совсем утро проспишь – хорошо, что ошибся. Давай, говори, чего у тебя.
- В общем, мы с Мишой решили готовиться в красноармейцы – сегодня у дуба, что на окраине, будем учения устраивать. Я от дядь Лёни слышал, как солдат обучаю – вот и мы теперь будем так же.
- Ну, это-то дело хорошее, да, только наше не бросай – а то кто после меня ковать будет?
- Ну пап, как ты можешь говорить, что я возьму и оставлю дело, которым занимается наша семья?
- То-то же. Ладно, иди сюда, помоги мне с мехами.
- Конечно, сейчас. Па, а ты видел, что в гнезде аиста, что у нас на крыше, свежий хвост появился? Похоже, прилетел уже!
- Навряд ли. Какие сейчас аисты, рановато еще.
- Эх, вот у аиста жизнь легкая… Летиши, летиши над всем – над войной, над горем и бедами – летиши и знаешь, что ты всегда свободен… Вот бы и мне так!.. Ну ладно, говоришь, с мехами помочь надо?

Иосиф с сыном занялись своей повседневной работой. В деревне же в это время расцвела жизнь: то тут, то там сновали куры, где-то лаяла собака, старики мирно беседовали. Солнце теперь уже ярко освещало крыши домов, и казалось, будто те вот-вот загорятся. Война незримым туманом стояла в воздухе: кому-то пришло письмо от мужа, кто-то рассказывал новости с фронта. А вот дети, не слушая и не понимая слов “война” и “смерть”, резвились во дворах, несмотря ни на что радуясь своей только-только начавшейся жизни.

Сегодня за работой кузнец долго думал о своем будущем и о будущем детей, особенно старшего сына. Вот он стоит перед ним – статный, молодой, вся жизнь

впереди. Скоро женится, на свет родятся его дети – внуки Иосифа, дед будет потихоньку рассказывать им все, что знает сам. Когда же Иосиф отойдет на покой, его первенец со своей семьей займет отчий дом и продолжит кузнечное дело своего отца. Да, он будет хорошим кузнецом! Иосиф уже видел, как его сын несколько раз брал без спросу отцовский молот, пытался работать им. Ничего, скоро он сам научит его абсолютно всем премудростям этого благородного дела, и тогда сможет гордиться своим мальчиком. Да, безусловно, Адама ждет хорошая жизнь...

О войне в последнее время Иосиф старался не думать. Фашисты надвигались, но он свято верил в победу советского народа. Как вообще можно было подумать, что наши солдаты – все эти ребята, готовые отдать жизнь за Родину – могут проиграть немецким зверям, которые потешаются над смертью других, презирая добродетель? Нет, определенно, если есть в мире Высшая Сила, она не допустит такой несправедливости. Наш народ не допустит.

С этой мыслью кузнец закончил свою работу. Сегодня он решил собраться пораньше – благо и начал засветло. На столе перед ним лежали две свежеизготовленные косы и одни грабли. Косы – соседским Танюше и Кате, грабли – другу Лёньке. Послав Адама с инструментами к девушкам, сам он пошел к Леониду. Иосиф с ним были давние друзья. Сегодня кузнец надеялся излить душу – сильно много накипело за время войны.

Леонид как раз стоял у порога, устало опершись на свои вилы – похоже, тоже только закончил работу. Во дворе у него красовалась фигура лебедя – Лёнька сам ее выстрогал когда-то. Он был отличный плотник, лучший в деревне. Иосиф частенько заходил к нему до войны; теперь же они стали разговаривать куда реже – не до мирных бесед. Завидев кузнеца, Лёня сразу отстранился от вил – мол, не устал еще, не старик.

- Здорово, Порфирич. Ну что, как живешь на белом свете? Давно не захаживал к тебе, совсем уж позабыл твоего лебедя.

- А-а, здравствуй, Иосиф, здравствуй. Да как живу – как наш брат живет в войну, так и я живу. Дело ко мне есть какое, али просто повспоминать былое пришел?

- И так, и так. Грабли, вон, принес тебе, держи. Да и побалакать немножко хочется. Уж сильно долго не изливал никому, что на душе лежит, оттого и пришел к тебе.

- М-да, что ни говори, а на душе у всякого нашего теперечка камень. Ты заходи, заходи, только рад буду.

Иосиф вошел в сени. Внутри пахло стружкой – этот запах навсегда въелся в стены дома. Друзья сели за стол в горнице. Внутри из света была только пара свечей – их Лёнька и зажег.

- Ну, рассказывай, какими думами обременил ты себя.

- Да все я думаю о войне, о смерти. Можешь ты себе представить, что сейчас, возможно, в самый момент, когда мы говорим, кто-то из наших гибнет под пулями? Был человек – и не стало его. А до войны у него, может, семья была, жена, дети... Что же себе эта немецкая падаль позволяет?!

- Наш солдат за своего товарища отомстит еще, попомни мое слово. Нет такой возможности, чтобы гитлеровские твари наших победили. Может, у них каски и покрепче, может, танки у них быстрее – да только у нашего брата душа есть, а у них она сгнила вконец, и это их и погубит.

- Эх, прав ты, Лёня, тысячу раз прав. Только война эта уже на мне поставила неизгладимую печать, след на всю жизнь – не смогу я больше улыбнуться чистосердечно, потому что всегда помню, что чей-то сын, чей-то муж жизнь отдали за то, чтобы остальные жили спокойно. Только на малых и надеюсь; авось, они еще смогут настоящую жизнь пожить...

Вдруг с улицы раздался крик:

- Братцы, полицаи идут!

У Иосифа все внутри похолодело. Полицаи? Неужели добрались и сюда? Что же теперь будет? Просто пройдут мимо и побьют, кого попадется, или что похуже? Они с Лёнькой выбежали во двор. Мальчуган в красной рубашке стоял посреди дороги, понуро глядя вдаль. Проследив за его взглядом, Иосиф ужаснулся: вдали виднелись темные силуэты с белыми, как выжженная солнцем кость, повязками на предплечьях. Светило медленно закатывалось за фигурами идущих, горя красным, адским пламенем. На деревню надвигались убийцы, предатели и палачи. Спасая свою жалкую жизнь, они истязали других. Полицаи...

Иосиф не знал, что делать. Бежать? Стоять и надеяться, что пронесет? Нет, сначала нужно найти мальчишек. Господи, они ведь собирались к дубу на окраине! Их же схватят!

Кузнец опрометью кинулся на поиски сыновей, но, едва пробежав пару домов, за углом увидел то, чего боялся: Адама, избитого, вели под руки два полицая. Рядом с ним шел Миша. В его глазах читались растерянность и страх. Иосиф оглянулся: других деревенских тоже куда-то толкали. Начиналось что-то зверское; запах жестокости, исходящий от нежданных гостей, витал в воздухе, отравлял его, делал непригодным для нормального человека. Среди нацистов Иосиф неожиданно для себя увидел Петра Ильченко: тоже кузнец, когда-то они вместе обсуждали свое общее дело. Сейчас же тот отдавал приказания другим полицаям, будто никогда и не был простым мирным жителем. Иосиф вдруг почувствовал истинный, праведный гнев – он что есть мочи закричал:

- Погань предательская! Как вас свет носит! Твари подколо...

Один из полицаев ударил его прикладом автомата по затылку. Мужчина упал. Подняв голову, Иосиф увидел, что Ильиченко заметил и узнал его. Они на миг встретились взглядами: взгляд человека настоящего и человека ничтожного. Не выдержав презрения, которое полыхало в глазах Иосифа, полицай что-то рявкнул своим товарищам и ушел прочь. Иосифа подняли и потащили вместе со всеми. Кто-то крикнул:

- В сарай их, в сарай гоните! Там и запирайте!

Жителей деревни одного за другим стали вталкивать в колхозный сарай. Кто-то попытался убежать – прогремели сразу несколько выстрелов, человек упал. В глазах людей читался ужас. Они понимали: их не пощадят. Никого.

Иосиф искал глазами своих ребят. В возникшей толпе это было непросто. Наконец, он увидел среди голов родную шевелюру.

- Адам!

Юноша обернулся на возглас отца. В его взгляде было отчаяние. Он не хотел умирать вот здесь, сейчас. Его ждала жизнь, не может ведь она просто взять и оборваться! Но в душе он понимал: может. И оборвется, как бы он ни хотел этого избежать...

Людская волна подхватила Адама и унесла вглубь здания. Иосифа вместе со всеми втолкнули в сарай. Он пытался прорваться сквозь толпу, снова и снова ища сыновей. Ворота сарайя стали закрывать. Кузнец всеми силами старался найти знакомые силуэты. Тщетно. Двери здания захлопнулись, и внутри наступила непроглядная тьма. Никто не кричал: это было бесполезно. Кто-то тихо плакал, кто-то причитал, кто-то молча сидел, глядя в одну точку. Дети, рыдая, наощупь искали своих родителей. Взрослые лихорадочно высматривали своих чад, вглядываясь в темноту.

Вдруг, посреди стенаний и воплей, послышался голос снаружи:

- Сецзе дизе швайне ин бранд!¹

- Так точно, герр командир! Эй, вы двое, берите бензин и облейте здание. А вы – за соломой. Быстро!

После этих слов сарай мигом превратился в муравейник. Люди пытались вылезти, выползти, выбить двери – убежать как угодно, только не сгореть заживо. Иосифу в этой давке пришлось прекратить поиски Адама и постараться уцелеть в адской печи. В помещение проник удушливый запах топлива – значит, уже облили. Паника усилилась. Кто-то из детей неистово закричал – его примеру последовал один, второй, третий... Через секунду уже весь сарай наполнился детскими криками – слившись в нескончаемый вопль, они рвали душу... у тех, у кого та была. Сердце

¹ Подожгите этих свиней! (нем.)

Иосифа бешено колотилось: он превратился в зверя в клетке, охваченного самым древним в мире страхом – страхом смерти. За дверями вновь заговорил тот же полицай:

- Лукович, держи факел.

Кто-то внутри взмолился:

- Нелюди!!! Мы ведь тоже жить хотим! За что?! Господи, спаси нас!

Будто в ответ на этот возглас, сарай объяло огненным кольцом. Людской комок сначала сжался к центру, пытаясь избежать неизбежного, затем с удвоенной силой принял выламывать двери и стены. Люди кричали, стучали из последних сил, обжигая и сбивая в кровь кулаки – лишь бы пробить путь к жизни. Огонь меж тем все поднимался, охватив почти весь сарай. Иосиф налег на двери вместе со всеми – что ему оставалось делать? Деревянные створки слетели с петель и с грохотом рухнули на землю. Из сарая посыпались люди. Не обращая внимания друг на друга, народ старался выбраться из здания, которое уже полностью объял огонь. Все тот же предательский голос орал в общей суматохе:

- Стреляй по ним, стреляй! Не жалей пулемета! Никто не должен уйти!

Загремели выстрелы. В тот же момент горящая балка с треском отломилась от свода и рухнула прямо на Иосифа. Наступила темнота, сквозь которую смутно слышался шум и крики. Вскоре утихли и они...

Когда Иосиф очнулся, первым, что он увидел, были звезды. Стояла глубокая ночь. Холод сковал тело, одежда была пропитана кровью и снегом. Кузнец повернул голову и вскрикнул: прямо перед ним в вечном крике застыло лицо мальчишки в красной рубахе. Иосиф резко встал и сразу пожалел об этом: несколько ожогов и рана в плече тут же дали о себе знать. Стиснув зубы, он огляделся: повсюду были тела убитых – кто-то сгорел, кого-то расстреляли. В темноте лиц почти не было видно. Кузнец двинулся искать свою семью. Вдруг они живы, вдруг просто без сознания? Может, их не заметили полицаи, и они смогли притвориться мертвым? Иосиф в отчаянии вглядывался в лица односельчан, то и дело перешагивая через бездыханные тела. Вдруг он услышал до боли знакомый голос:

- Та-ать...

Слева от него, в пяти шагах, лежал Адам.

- Адам, сынок!

Иосиф кинулся к сыну. Грудь мальчика была сильно обожжена, на животе кровоточила рана от пули. Из рта текла тонкая струйка крови. Глаза были устремлены в небо.

- Адам, Господи... Мальчик мой... Погоди, я схожу за помощью...

- Тата, не надо...

Он тяжело дышал, вдыхая ртом воздух, будто пытаясь надышаться на много лет вперед.

- Тата, не уходи. Останься здесь...

Иосиф осторожно взял его на руки, боясь причинить малейшую боль.

Вдруг с глаз Адама сошла пелена, они стали бесконечно чистыми, по-детски широко раскрытыми. Он прошептал:

- Тать... смотри, аисты кружат²... Их та-ак много... Я же тебе говорил, па, они прилетели... А теперь и я с ними... как и мечтал...

Иосиф смотрел на то, как его надежда, его кровь, его радость и будущее – его сын умирает. Веки Адама дрогнули в последний раз и застыли навсегда. Голова медленно откинулась назад, не в силах больше держать тяжкий груз души. Иосиф не отпускал тело сына, крепко прижав к себе, а глаза устремились куда-то далеко-далеко – дальше, чем может увидеть обычный человек. Он стоял в безмолвном стоне, в бесконечном крике горя, который выражался только во взгляде – взгляде, полном боли, страдания, отчаяния. Но в груди, в сердце, готовом вот-вот разорваться на части, испепелиться, рассыпаться на мелкие песчинки – в этом пристанище души, куда та уходила в самые тяжелые моменты в жизни - горела мысль: человечество этого не забудет. Человечество этого не простит.

Так он и стоял – Непокоренный Человек.

² У белорусского народа существует поверье, что аисты – это души ушедших.